

Бо Цзянь повернул голову и слегка приподнял лицо, глядя на Цзян Хуая. Спустя долгое мгновение его кадык дернулся:

— Ты пришел.

— Угу, — ответил Цзян Хуай.

Затем Бо Цзянь снова замолчал. Позвать соседа по парте домой делать домашку в итоге вылилось в какую-то встречу развиртуализовавшихся друзей по переписке.

Цзян Хуай нахмурился:

— Ты...

Бо Цзянь опустил ресницы:

— Пойдем в мою комнату?

Цзян Хуай:

— ...

— Ну, — ответил он.

Бо Цзянь спросил:

— «Ну» означает «пойдем» или «не пойдем»?

Цзян Хуай с безразличным лицом произнес:

— Пошли.

Они пошли друг за другом. Цзян Хуай, понятия не имевший, где комната Бо Цзяня, шел впереди, а знающий Бо Цзянь — сзади. Это поведение Бо Цзяня — ронять одну фразу, надолго замолкать и просто молча смотреть на него — ни с того ни с сего заставило сердце Цзян Хуая забиться чаще.

Он не хотел признавать, что это нервы.

Возможно, ему просто было неловко в чужом доме — в конце концов, они с Бо Цзянем еще не были настолько близки.

Цзян Хуаю казалось, что у него одеревенели колени. Натянув спину, он спросил, идя впереди:

— Наверх?

— Угу.

— Налево или направо?

— Налево.

Цзян Хуай, даже не притормозив, повернул направо. Бо Цзянь слегка перехватил его за запястье:

— Перепутал, там право.

Цзян Хуай:

— ...

Издав короткое «а-а», он выдернул руку и подумал: прийти в дом Бо Цзяня в период метки — невероятно идиотское решение.

В комнате Бо Цзяня были задернуты шторы. Стоял полумрак: хотя на улице был день, здесь казалось, что уже наступила ночь. Бо Цзянь пошел и включил несколько светильников.

Комната Бо Цзяня была очень чистой и ничем не пахла.

И все же Цзян Хуаю то и дело мерещился запах мятных листьев.

Бо Цзянь стоял у письменного стола боком к нему. Он совершил несколько лишних движений, поправляя и без того безупречно убранный стол, и, опустив глаза, спросил:

— Ты пришел побыть со мной во время периода восприимчивости?

Цзян Хуай не был из застенчивых, но сейчас, стоя здесь, покрылся мурашками от головы до пят.

Обычно так бывает от холода... или когда чувствуешь опасность.

Цзян Хуай даже не снял рюкзак и не сдвинулся с места. Прислонившись к дверному косяку, он, не поднимая глаз, отрезал:

— Разве ты позвал меня не домашку делать?

Бо Цзянь повернул голову и слегка приподнял уголки губ:

— Оу... Ну тогда проходи, садись делать.

Цзян Хуай подошел. Мельком глянув на рабочий стол Бо Цзяня, он к своему немалому удивлению заметил рисунок восковыми мелками, сделанный А-Цай. Он стоял в рамке, и на нем не было ни пылинки.

На столе Бо Цзяня почти не было мелкого мусора, лишь аккуратной стопкой лежали несколько книг. На самой верхней из них стояла подарочная коробка, похожая на настоящее произведение искусства... Не пробовал бы Цзян Хуай то, что внутри, он бы даже не понял, что это шоколад.

Шоколад в карамельной глазури.

Цзян Хуай сменился в лице, отвел взгляд и сделал вид, что ничего не заметил.

Однако когда он вытащил из рюкзака тест по физике, тыльная сторона его ладони случайно задела коробку... Она оказалась совсем легкой, будто почти весь шоколад из нее уже съели.

Бо Цзянь рядом пролистывал свою домашнюю работу на выходные, которую давным-давно сделал, словно не обращая внимания на движения Цзян Хуая.

— С какого предмета на этой неделе начнешь?

— С физики.

Бо Цзянь тихо хмыкнул:

— Ты и правда каждую неделю выбираешь то, где меньше всего задано. — Он слегка повернул голову к Цзян Хуаю. Бо Цзянь не стал включать в комнате весь свет, и мягкие шампаневые блики отражались в его зрачках, показывая силуэт Цзян Хуая. — На следующей неделе ежемесячные экзамены... Может, не будешь сегодня уходить?

Цзян Хуай выронил ручку на пол.

Он холодно взглянул на Бо Цзяня:

— Я не хочу сидеть до ночи и доделывать домашку.

— Я и не заставляю тебя сидеть за уроками, — произнес Бо Цзянь.

Он слегка наклонился ближе к Цзян Хуаю. Цзян Хуай снова уловил еле ощутимый, прохладный растительный запах, который медленно подступал к нему. Бо Цзянь шепнул, точно по секрету:

— Если что-то не поймешь, я тебе объясню, хорошо?

Цзян Хуай долго сидел неподвижно, его кадык дернулся несколько раз.

В какой-то момент он резко отодвинул стул, который с громким скрежетом проехался по плитке. С темным, мрачным лицом Цзян Хуай отрезал:

— Не надо. Закончу этот тест и уйду.

Он поднялся с места и достал телефон:

— Сделай со мной пару фоток.

Бо Цзянь выпрямился:

— Зачем?

Цзян Хуай нахмурился:

— Просто пару совместных кадров.

Бо Цзянь шагнул к нему. В неярком свете выражение его лица было трудно разобрать. Он тихо спросил:

— Цзян Хуай, я же здесь... Зачем тебе фотографии?

Цзян Хуая от копчика до затылка пробрал озноб. Он ощущал дыхание Бо Цзяня буквально на своей коже.

В голове Цзян Хуая образовалась звенящая пустота.

Казалось, что этот период метки от Бо Цзяня длится невероятно долго и протекает чересчур тяжело. В голове царил хаос. Цзян Хуай то думал, период восприимчивости у этого урода или,

блядь, гон, то...

Блядь.

Цзян Хуай шевельнул губами:

— Отойди от меня.

Бо Цзянь взял его за правую руку. Цзян Хуай ледяным взглядом следил за его движениями. Бо Цзянь просто поднял его руку, потянул на себя... и прижался щекой к его вспотевшей ладони.

Лицо, коснувшееся ладони, было горячим, оно буквально пылало. Хотя внешне этого нельзя было заметить.

Его ресницы дрогнули:

— У Альфы в период восприимчивости нет разума... Цзян Хуай, побуть со мной.

Каждое слово Бо Цзяня заставляло Цзян Хуая чувствовать, что он вот-вот выкинет нечто такое, что оставит им обоим глубокую психологическую травму на всю жизнь — так, что когда период метки закончится, они станут заклятыми врагами.

Он холодно усмехнулся:

— Хочешь, я влеплю тебе пощечину, чтобы ты протрезвел?

— Давай, — голос Бо Цзяня постепенно осел и охрип. — Только если тебе станет меня больно...

Он слегка повернул голову и нежно поцеловал Цзян Хуая в ладонь:

— Подуешь потом, чтобы не болело?

Автор хочет сказать: Президент: «На самом деле я очень стеснительный».

Вторник, урок физики.

Учитель физики у доски рассказывал о предстоящих ежемесячных экзаменах:

— ...Экзамен по физике назначен на вторую половину дня в четверг. Программа в этом семестре очень плотная, сразу после ежемесячных экзаменов начнутся промежуточные, поэтому у нас не будет времени на общее повторение. Что касается объема материала...

Цзян Хуай, вопреки обыкновению, не спал. Локтями он придавливал домашку по физике, которую скоро должны были разбирать.

Но слушать урок он, похоже, тоже не собирался: подперев голову одной рукой, он второй медленно крутил ручку и с безразличным видом уставился в угол стола.

Он и подумать не мог, что его слух, блядь, настолько чуткий.

Шорох переворачиваемых страниц за задней партой, звук снимаемого колпачка... И даже едва уловимое шуршание стержня по бумаге. Слух обострился до нервных галлюцинаций, а чужое присутствие ощущалось так сильно, что у Цзян Хуая натянулась каждая жила.

Выражение лица Цзян Хуая стало еще более непроницаемым.

Он опустил голову, вытащил из кармана брюк телефон и открыл браузер.

«Сколько длится временная метка Альфы».

Ответ врача на сайте: «Длительность и эффект временной метки немного различаются в зависимости от индивидуальных особенностей организма, но в целом она держится от семи до десяти дней, так что вам не о чем беспокоиться».

Цзян Хуай сместил взгляд чуть выше по странице.

Вопрос пациента: «Муж в командировке, не выдержала одиночества, сходила погулять, случайно поставили временную метку. Муж возвращается через полмесяца, он узнает, что я переспала с другим?»

Цзян Хуай:

— ...

Он закрыл страницу.

Он целую неделю не принимал подавитель типа C, поэтому за последние дни у него заметно пропала тяга к дневному сну. Но Цзян Хуай предпочел бы проспать эти два дня без просыпа.

Спать днем — это хотя бы какое-то занятие, куда лучше, чем сидеть сложа руки... и прокручивать в голове то, что произошло в воскресенье. Бо Цзянь сидел за ним, и хотя Цзян Хуай прекрасно понимал, что тот на него не смотрит, мысль о том, что Бо Цзянь находится прямо за спиной, не давала покоя. Он чувствовал себя как на иголках.

Ему было жутко не по себе.

Слыша, как Бо Цзянь пишет или переворачивает страницу, он невольно вспоминал его пальцы. Вспоминал, как эти руки обнимали его за талию, как чужой подбородок утыкался в ямочку возле плеча, а хриплый голос просил:

— Цзян Хуай, дай мне немного феромонов, а?

— ...Совсем чуть-чуть. Капельку, — говорил Бо Цзянь.

И добавлял:

— Мне плохо... Помогите мне.

И еще:

— Я ведь отдал тебе свои феромоны, отсыпь и мне хоть каплю, ладно?

Жар периода метки, обострившаяся зависимость и жажда крепких объятий накрыли его с головой, дойдя до своего пика. Феромоны Бо Цзяня полностью окутали Цзян Хуая. Период метки довел его чувствительность к феромонам до крайнего предела.

Но это был не школьный медпункт, это была спальня Бо Цзяня.

Даже зайдя они сколь угодно далеко, никто бы не узнал, и не пришлось бы переживать, что их кто-то засечет.

Цзян Хуай резко вырвался из объятий Бо Цзяня:

— Пошел вон.

В такие моменты только хорошая драка могла привести обоих в чувство. Цзян Хуай слышал, как бешено колотится его сердце, а в голове натянулась последняя нить самообладания... Если она лопнет, они оба натворят делов.

Он уже забыл и про тест по физике, и про фотографии. Вцепился Бо Цзяню в воротник...

Но на Бо Цзяне был банный халат с широким запахом, и от рывка Цзян Хуая полы распахнулись едва ли не до пояса.

<http://bllate.org/book/18377/1766534>